

ОТЦОВСТВО: ТЕХНОЛОГИИ ЮРИДИЧЕСКОЙ ФИКСАЦИИ**Н.Н. Тарусина**

Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, г. Ярославль

Рассматриваются исторические и современные тенденции конструирования отцовства в пространстве семейного права: от патриархической власти отца, выравнивания статусов матери и отца и ребенка, исключения внебрачного отцовства, ограничений установления внебрачного отцовства к очевидным и неочевидным основаниям отцовства (презумпция отцовства в браке, при применении вспомогательных репродуктивных технологий, административное и судебное установление отцовства и др.).

Ключевые слова: *отцовство, юридические основания, специальные случаи, технологии, фиксация.*

«Основанием родительской власти, – писал Г.Ф. Шершеневич, – является автономия семьи». «Хотя закон наш, говоря о родительской власти, – продолжал автор, – постоянно упоминает обоих родителей ... при жизни обоим власть может принадлежать лишь отцу»¹. Соответственно, отцовская власть возникает на основании «законного рождения», «узаконения рождения» внебрачного ребенка или усыновления².

Как известно, данная патриархическая пирамида рухнула в России 1917 г. – декретными объявлениями о принципах равенства мужчины и женщины в браке и родительстве и равенства статусов детей, независимо от фактических обстоятельств их появления в «революционной и постреволюционной действительности». А далее – через внедрение административных и вполне простых, до чрезмерности, судебных процедур отыскания внебрачного отцовства. Однако в 1944 г. последнее юридически «испарилось» в накаленной общественной атмосфере поощрения зарегистрированных браков и многодетности, с одной стороны, и внебрачного родительства – с другой (стране до чрезвычайности было нужно восполнить «убыль» населения)³. Именно своеобразная мотивация внебрачных рождений (путем исключения административного признания и судебного установления соответствующего отцовства) явилась основой одного из ключевых политико-демографических решений того времени. В графе «отец» появился императивно обозначенный прочерк («блуд», конечно, лицемерно осуждался, но главная цель была иная...). При этом следует заметить, что рост внебрачной рождаемости в период и особенно сразу по окончании войн – выявленная, исторически подтвержденная закономерность⁴. Дело было лишь за тем, чтобы усилить данную закономерность с помощью идеологических, финансовых и юридических технологий. Характерно, что в Конституции СССР 1936 г. ни словом не упоминалось о ценности отцовства – защита объявлялась исключительно материнству – преимущественно в трудовом и социально-обеспечительном аспектах (ст. 122).

Лишь в 1968 г. (а затем конкретизировавшись в Кодексе о браке и семье 1969 г.) конструкция внебрачного отцовства вернулась в юридическое пространство. Однако в урезанном виде: норма ст. 48 Кодекса ограничивала судебное усмотрение, даже и фактически обоснованное, четырьмя альтернативными доказательственными фактами. Несмотря на «революционное воодушевление» перестроечных годов, данные ограничения были сняты лишь в 1995 году – нормой ст. 49 Семейного кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ). Но «душок» остался: вопреки общим процессуальным обыкновениям об оценке обстоятельств дела именно в ст. 49 (и только в ней) было закреплено требование к суду выносить решение на основе достоверных доказательств.

При этом в Конституции Российской Федерации 1991 г. отцовство как социальная ценность российского общества также не заявлено: охране и всесторонней защите подлежит материнство

¹ Шершеневич Г.Ф. Русское гражданское право. Казань, 1905. С. 624.

² Там же. С. 629.

³ Подробнее см., например: Тарусина Н.Н. Ребенок в пространстве семейного права. М.: Проспект, 2014. С. 35 - 53.

⁴ См., например: Босанац М. Внебрачная семья. М.: Прогресс, 1981. С. 178 - 181.

и детство, а отцовство – лишь косвенно, через защиту семьи, в которой, как известно, отец в качестве одного из ее членов отнюдь не исключается⁵. Выравнивание же статуса отца, с точки зрения социальных льгот, понимание равнозначной ценности его как родителя, по-прежнему происходит прежде всего по линии трудового и социального законодательства, в том числе через конструкцию «лица с семейными обязанностями»⁶. И, разумеется, оно выравнивание закрепляется принципом конституционного и семейно-правового равенства, в том числе женщины и мужчины в их качестве родителей.

Это, впрочем, не исключает и иных заявлений и правовых позиций, в которых гендерное равенство подвергается испытаниям: Декларация прав ребенка 1959 г. призывает суды обеспечивать преимущественное право матери на оставление у нее малолетнего ребенка при раздельном проживании родителей, призыву вторит судебная практика, выработавшая, по сути, соответствующую правоприменительную (фактическую) презумпцию; позиция мужчины юридически безразлична при принятии женщиной решения о сохранении или прерывании беременности; муж ограничен в иницировании расторжения брака в период беременности жены и в течение года после рождения ребенка (ст. 17 СК РФ), даже если установлено отцовство другого мужчины; презумпция отцовства в браке также не способствует гендерной нейтрализации родительства; «одиноким мужчиной» не допущен к программе суррогатного материнства; в норме ст. 89 СК РФ предусмотрена возможность алиментирования матери (жены или бывшей жены), но не отца (мужа или бывшего мужа, если с ним оставлен ребенок до трех лет) и т.д.

Остановимся на характеристиках специфических проявлений отцовства – с точки зрения юридических фактов его возникновения. Первое: почти сразу после принятия Семейного кодекса РФ классическая презумпция отцовства в браке подверглась было уточнению (ограничению) путем предоставления права матери, состоящей в браке, заявить об отцовстве другого мужчины, однако данное специальное правило продержалось несколько месяцев – и законодатель вернулся к «римской классике». В последние годы некоторые семейноведы вновь поднимают вопрос о необходимости установления изъятий из юридической силы презумпции для очевидных случаев. Полагаем это нецелесообразным по двум причинам: во-первых, исчерпывающий перечень таких обстоятельств вряд ли возможен, соответственно, во-вторых, возникнет необходимость прибегнуть к административному усмотрению – при том, что органы ЗАГС являются скорее констататорами юридических фактов, нежели их оценщиками и толкователями, а их отказ в регистрации акта гражданского состояния подлежит судебному обжалованию – значит, «дело об опровержении презумпции» будет совершать круговое движение. Можно, конечно, предусмотреть более надежное правило: супруги заключают соглашение (читаем – подают в орган ЗАГС совместное заявление) об опровержении презумпции, т.е. об отцовстве другого мужчины, а мать ребенка и биологический отец обращаются в ту же структуру с совместным заявлением о признании отцовства... Это несколько упростит процедуру и ускорит окончательное решение об отцовстве, однако не даст высокой степени надежности разрешения ситуации и сомнительно с точки зрения надлежащей эффективности охраны интересов ребенка. Впрочем, следует заметить, что аналог такой возможности предусмотрен нормой п. 3 ст. 122 Семейного кодекса Украины, которая адресована как супругам, так и бывшим супругам (в ситуации пролонгации 10-месячного срока действия презумпции); в целом сходные правила, с незначительными отличиями, установлены также в ст. 47 Кодекса Республики Казахстан о браке (супружестве) и семье и ч. 6 ст. 51 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье.

Второе. Не вполне оптимальны и нормативы для отдельных вариаций добровольного признания внебрачного отцовства. Так, во-первых, по-прежнему нет ясности с вопросом о минимальном возрасте субъектов данной акции. Казалось бы, на несовершеннолетнюю мать ребенка ограничения распространяться не должны. Да, в связи с ее материнством. Однако вправе ли она в 12 – 13 лет самостоятельно участвовать в процедуре административной фиксации отцовства ребенка? По смыслу СК РФ несовершеннолетний наделен хотя бы относительной

⁵ Осуществиться ли соответствующая поправка, покажет будущее.

⁶ Этому немало способствовали и правовые позиции ЕСПЧ по жалобам российских граждан. Подробнее см., например: Исаева Е.А. Стремление к гендерной нейтральности: трудовая правовая аспекты // Социально-юридическая тетрадь. 2014. № 4. С. 89 - 101.

суверенностью, или неполной семейной дееспособностью, с 14 лет (ст. 13, 56 СК РФ), некоторые компоненты дееспособности возникают и раньше (учет мнения по ряду семейных вопросов – с любого возраста, при условии хотя бы относительного понимания смысла таковых вопросов), с 10 лет – дача согласия на совершение семейно-правовых актов, исчерпывающим образом перечисленных в норме ст. 57 СК РФ. Не уверена, что к участию в процедуре признания внебрачного отцовства можно по аналогии применить указанное правило (как и расширить его нормативно). 14-летний возрастной барьер – предпочтительнее. Усматривается ли в данной ситуации вмешательство попечителей молодой мамы? Полагаем, что нет – по смыслу позиции ст. 56 СК РФ⁷. Думается, что до 14 лет следует предусмотреть судебную процедуру.

Точно такие же рассуждения могут быть положены в основу решения вопроса о несовершеннолетнем отце – с той лишь разницей, что правила ст. 62 СК РФ, пусть и путанно, данный вид отношений регулируют: с 14 лет гражданин вправе самостоятельно предъявить иск в суд об установлении отцовства, а с 16 – о его оспаривании. Из этой формулы можно высказать предположение о том, что 14-летний предполагаемый отец вряд ли вправе воспользоваться упрощенной, административной, процедурой признания своего внебрачного родительства. С другой стороны, поскольку законодатель допускает снижение брачного возраста и до 14 лет (в региональных версиях), то вариант правила о возможности добровольного признания отцовства с этого возраста не исключен. Лишь бы законодатель четко обозначил свою позицию.

Во-вторых, не вполне ясно, чем должен руководствоваться орган опеки и попечительства, отказывая предполагаемому отцу в записи об отцовстве в случаях, предусмотренных нормой п. 3 ст. 48 СК РФ, – предположением о фиктивности признания, негативным впечатлением о личности заявителя, интересами ребенка?..⁸ При этом и у суда отсутствуют четкие критерии для принятия решения. Такие критерии могут быть оптимизированы солидарно со сходными проблемами, возникающими при применении норм ст. 49 СК РФ (об этом см. далее).

В-третьих, не ясны также мотивы законодателя при ограничении им в норме ч. 2 п. 3 ст. 48 СК РФ возможности подачи совместного заявления в период беременности женщины некими чрезвычайными причинами: если руководствоваться стратегическим соображением об обеспечении наилучших интересов ребенка (через спокойствие, уверенность в его будущем беременной женщины), то указанная возможность должна иметь качество обыкновения, подключаемого к ситуации доброю волею мужчины и женщины. (Именно такой вариант принят в диспозиции нормы п. 1 ст. 126 Семейного кодекса Украины: «...заявление может быть подано как до, так и после рождения...»)

Третье. В связи с установлением отцовства в судебном порядке также усматриваются пробелы, неопределенности или даже существенные коллизии с другими семейно-правовыми нормами. Во-первых, среди субъектов права на предъявление иска назван «совершеннолетний ребенок», т.е. достигший 18 лет. Если учесть возможности нормативов ст. 56 и 62 СК РФ, то указанное решение им явно диссонирует: допустимо с 14 лет самостоятельно защищать свои интересы в суде, в том числе отыскивать собственное отцовство, но не инициировать отыскание своего отца. Это неправильно, нелогично, не обеспечивает с необходимостью и достаточностью интересов ребенка – в ситуации, когда мать не проявляет предоставленной ей законом инициативы.

Во-вторых, до сей поры не находит понимания предложение доктрины о предоставлении суду права отказывать в иске биологическому отцу, если удовлетворение иска категорически противоречит интересам ребенка, проживающего в благополучной семье, – под заботой социального отца⁹. Примечательно, что по сходному вопросу близкую правовую позицию обозначил Пленум Верховного Суда РФ: если одновременно с иском об оспаривании отцовства не заявлено требование об установлении биологического отцовства, а лицо, записанное отцом ребенка, возражает против иска и желает продолжить заботу о ребенке, суд, в порядке

⁷ Впрочем, в доктрине высказываются предложения о новелле ст. 13 СК РФ – условия о согласии родителей на брак их несовершеннолетнего ребенка. Мы не разделяем такого энтузиазма в вопросе вмешательства в личную жизнь.

⁸ Например, в норме ст. 127 Семейного кодекса Украины требования о согласии органа опеки и попечительства нет.

⁹ Одной из первых обратила внимание на данную потребность практики О.А. Хазова. См.: Хазова О.А. Судебное установление отцовства // Закон. 1997. № 11. С. 83 - 84.

исключения и в целях обеспечения наилучших интересов ребенка¹⁰, вправе в удовлетворении иска отказать¹¹. Дело – за немногим: сфокусировать возможность приоритета социального отцовства в нормах ст. 49 и 52 СК РФ, если того с очевидностью требуют интересы ребенка.

В-третьих, на что мы уже неоднократно указывали в своих трудах¹², необоснованным является присутствие в норме ст. 50 СК РФ ограничения перечня оснований установления факта отцовства умершего лица. В связи с пониманием указанной проблемы Верховный Суд РФ уже более 20 лет предлагает судам применять к данной ситуации усмотренческие возможности нормы ст. 49 СК РФ¹³. Давно пора эту позицию «онормативить». А заодно, в-четвертых, исключить, наконец, из предписания ст. 49 СК РФ призыв к суду руководствоваться при принятии решения об удовлетворении иска об отцовстве только достоверными доказательствами¹⁴... Этот законодательно-технологический «рудимент» совершенно не соответствует не только обыкновениям Гражданского процессуального кодекса (далее – ГПК) закреплять подобные требования в нормах общего типа, т.е. на универсальном уровне и для всех категорий гражданских дел, но и вопиет, пусть и не так уже громко, как это наблюдалось в КоБС РСФСР, о гнусной истории законодательства о внебрачном родительстве. (Например, украинский законодатель к достоверности доказательств именно по делам об установлении отцовства не призывает, имея в виду, что требование достоверности ГПК адресует ко всем категориям дел... Равным образом он не ограничивает и возможности установления факта отцовства – ст. 129 Семейного кодекса Украины.)

Четвертое. Разновекторны и неочевидны, с точки зрения разумности и справедливости, нормативы, обусловленные различными вариантами применения вспомогательных репродуктивных технологий: донорство и социальное отцовство, отцовство при суррогатном материнстве (супруга суррогатной матери и генетического отца-заказчика), генетическое отцовство умершего мужчины, «исчезновение» отцовства при смене пола и т.д.

Во-первых, казалось бы, устойчивое представление о необходимости соблюдения тайны донорства является совершенно оправданным и незыблемым. Однако в западном праве уже появились нормы-исключения из этого правила. При этом формально данная тенденция соответствует принципу Конвенции о правах ребенка 1989 года (ст. 7: «ребенок...имеет, насколько это возможно...право знать своих родителей»). Не исключено, что и российская версия не должна оставаться абсолютно императивной. Например, незамужняя женщина могла бы договориться с донором о заведомом несоблюдении требования о конфиденциальности генетической информации или о ее раскрытии при определенных условиях.

Во-вторых, не менее, на первый взгляд, очевидная позиция законодателя о сохранении и использовании эмбрионов только на основании соглашения (в том числе между супругами) также может быть поколеблена: отказ одного из участников договора не всегда должен воспроизводить последствия в виде уничтожения генетического материала. Исключения должны быть – в особых ситуациях. Так, например, классическим образцом коллизии личных прав и интересов явилось дело Эванс: после развода бывший муж потребовал уничтожения эмбрионов – при том, что бывшая жена в этом случае лишалась возможности стать матерью генетически связанного с нею ребенка, так как вследствие операции не могла предоставить генетический

¹⁰ Конструкция «интересы ребенка», конечно же, многогранна и многосущностна. Однако другого способа справедливо разрешить дело, в котором затрагиваются или впрямую защищаются права детей, нет – только через конкретизацию означенных интересов. См., например: Ильина О.Ю. Проблемы интереса в семейном праве Российской Федерации. М.: Городец, 2007.

¹¹ Пункт 29 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16 мая 2017 г. № 16 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с происхождением детей» // СПС «КонсультантПлюс».

¹² См., например: Тарусина Н.Н. О судебном правотворчестве по семейным делам как проблемной форме судебного усмотрения // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2018. № 1. С. 72 - 82.

¹³ Подробнее см. там же.

¹⁴ Интерес, с учетом времени, когда проблема была актуальной, представляют ситуации переходного периода. Как известно, в Заключительных положениях СК РФ к отношениям о судебном установлении внебрачного отцовства обратная сила применена не была, что несправедливо по отношению к детям, родившимся до 1 марта 1968 г. В этой связи предпринимались попытки добиться признания неконституционным данного подхода законодателя. Однако Конституционный Суд РФ счел жалобу неприемлемой. См., например, Определение от 20 июня 2006 г. № 226-0 по жалобе гр. И.Л. Шульгиной // СПС «Консультант Плюс». Подробнее см.: Тарусина Н.Н. Семейное право: в «оркестровке» суверенности и судебного усмотрения. М.: Проспект, 2014. С. 256 - 257.

материал повторно. Конфликт прав и интересов, по формальным соображениям, был разрешен и британским судом, и ЕСПЧ в пользу бывшего мужа¹⁵. Между тем при «взвешивании» значимости интересов позиция бывшей жены, с точки зрения этики и справедливости (в том числе и юридической), предпочтительней. Дабы не принуждать бывшего мужа к отцовству, можно было бы придать ему статус классического донора, использование генетического материала которого не ведет к юридическому родительству. Однако такая эксклюзивная возможность должна быть предусмотрена в законодательстве. Сочувствие и необходимость соответствующего узаконения вызывают и случаи использования генетического материала после смерти его носителя: использование материала «пережившей» стороной (несмотря на условие договора, возражения наследников) или матерью умершего для самостоятельного или суррогатного вынашивания ребенка. И т.д.

В-третьих, критике подвергается норма ст. 55 Основ законодательства об охране здоровья граждан, ограничивающая право неженатого мужчины на участие в программе суррогатного материнства – в противовес неограниченному праву незамужней женщины (или «одиноким женщиной» – как беззащитно выражается российский законодатель...). Конечно, указанные ситуации не составляют тождества. Тем не менее аргументы типа: демографическая гендерная диспропорция – на стороне мужчины, последний имеет возможность «завести ребенка» через брак или фактическое супружество – соответствуют действительности, но лишь отчасти. Так, «страховка» отцовства прекращается или существенно уменьшается вследствие развода – с высокой степенью вероятности малолетний ребенок будет оставлен с матерью. Кроме того, судебная практика, как это нередко происходит, уже явилась провозвестником возможного смягчения законодательства: органы ЗАГС отказывают неженатым мужчинам-генетическим отцам «суррогатных» детей в регистрации родительства, а суды соответствующие иски удовлетворяют¹⁶, что отвечает и интересам детей, и, собственно, духу действующей нормы ст. 49 СК РФ¹⁷.

Что касается, в-четвертых, отцовства «заказчика» (как части проблемы генетического родительства), то по этому вопросу мнения разделились не только в доктрине, но и внутри судебной системы: Конституционный Суд РФ не признал норму ч. 2 п. 4 ст. 51 СК РФ неконституционной (с известными сомнениями двух членов Суда, выраженными в их особых мнениях), а Пленум Верховного Суда РФ допустил возможность удовлетворения соответствующего иска при определенных условиях, в том числе с опорой на наилучшие интересы ребенка¹⁸. При этом, например, белорусское, казахстанское и украинское семейное законодательство находится на противоположной СК РФ позиции, т.е. заведомо закрепляет императив в пользу генетических родителей (соответственно – ст. 52, 54 и 123 кодексов). В этом вопросе возможно не только изменение позиции российского законодателя на противоположную, но и замена императива на диспозитив: именно такой вариант и предлагается, на уровне правоприменения Верховным Судом РФ.

В-пятых, возникновение «отцовства» (родительства) возможно в ситуации рождения ребенка гермафродитом (в рамках «гендерно нейтрального родительства»?). В том числе в этой связи британские законодатели предложили перейти на другую терминологию – «беременный человек». В-шестых, специфичны могут быть не только обстоятельства юридического «появления», но и «исчезновения» отцовства, например, в связи со сменой пола с мужского на

---

¹⁵ Подробнее об этом см., например: Богданова Е.Е. Защита интересов граждан при конфликте их личных неимущественных прав // Журнал российского права. 2013. № 12. С. 79 - 85. См. также: Лушников А.М., Лушникова М.В., Тарусина Н.Н. Гендер в законе. М.: Проспект, 2015. С. 191 - 192.

¹⁶ См., например, решение Тушинского районного суда г. Москвы от 19 марта 2014 г. № 2-1472/2014.

¹⁷ О.Ю. Ильина, анализируя соответствующую судебную практику, отмечает, что у судов разных регионов сложился различный (и неоднозначный) подход к разрешению ситуации, включая применение аналогии права и закона, а также вынесение неисполнимых решений. Подробнее см.: Ильина О.Ю. Применение аналогии закона и аналогии права при регулировании отношений в сфере регистрации рождения детей // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2014. № 3. С. 38 - 45.

¹⁸ См.: Тарусина Н.Н. О судебном правотворчестве... С. 72 - 82.

женский. Такой казус особенно экзотичен (читай – пагубен для ребенка) при смене пола в браке, даже если впоследствии последний был расторгнут¹⁹.

Пятое. Нельзя обойти вниманием две технологии, которые близки терминологически, но принципиально различны по сути. Первая – конструкция фиктивного отцовства, которое может быть мотивировано корыстными соображениями (желанием воспользоваться имуществом, унаследованным ребенком от матери, получить отсрочку от призыва на военную службу и т.п.). Семейный кодекс РФ, как известно, реагирует только на явление фиктивного брака, хотя возможных фиктивных актов в семейно-правовой сфере – около десятка²⁰. Это не исключает предъявления иска о признании недействительной записи об отцовстве. Однако целесообразнее было бы закрепить подобную возможность в законе. Вторая конструкция – совершение фиктивной записи в ситуации неустановленного отцовства – представляет собою специальную технологию решения насущного вопроса, когда иные варианты невозможны, а проблема требует своего снятия. Законодателя можно лишь упрекнуть в некоторой неопределенности формулировки нормы п. 3 ст. 51 СК РФ: имя и отчество записываются по указанию матери ребенка. А если она откажется от данной акции? Или предложит в качестве имени нечто «экзотическое», что автоматически будет преобразовано в отчество ребенка?.. Полагаем, в интересах последнего данное правило скорректировать – придать ему императивное звучание и предоставить органу ЗАГС право отказать в производстве записи, передав решение дела на судебное усмотрение.

Таким образом, юридические технологии фиксации отцовства не только весьма разнообразны: часть из них не вполне корректны, а в других случаях – нормативно не обозначены. При этом, разумеется, мы не предлагаем слепо следовать в «кильватере» западного права или законодательства наших соседей, но лишь в очередной раз обращаем внимание российского законодателя на необходимость заранее, а в чем-то уже с опозданием, определить свои правовые позиции адекватно духу времени, потребностям общественной практики – с учетом его, законодателя, ценностной ориентации, по возможности совпадающей с российскими традициями организации семейной жизни, и справедливой охраны и защиты прав и интересов российских граждан (прежде всего – детей). Замалчивание проблем – не лучший способ их решения: отцовство, в том числе с точки зрения технологий его юридической фиксации, заслуживает всестороннего внимания и вдумчивого решения возникших и появляющихся проблем.

Список литературы

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16 мая 2017 г. № 16 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с происхождением детей» // СПС «КонсультантПлюс».
2. Определение от 20 июня 2006 г. № 226-0 по жалобе гр. И.Л. Шульгиной // СПС «КонсультантПлюс».
3. Решение Тушинского районного суда г. Москвы от 19 марта 2014 г. № 2-1472/2014.
4. Богданова Е.Е. Защита интересов граждан при конфликте их личных неимущественных прав // Журнал российского права. 2013. № 12. С. 79 - 85.
5. Босанац М. Внебрачная семья. М.: Прогресс, 1981. 208 с.
6. Ильина О. Ю. Проблемы интереса в семейном праве Российской Федерации. М.: Городец, 2007. 192 с.
7. Ильина О.Ю. Применение аналогии закона и аналогии права при регулировании отношений в сфере регистрации рождения детей // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2014. № 3. С. 38 - 45.
8. Исаева Е.А. Стремление к гендерной нейтральности: трудовая правовая аспект // Социально-юридическая тетрадь. 2014. № 4. С. 89 - 101.
9. Лушников А. М., Лушников М. В., Тарусина Н. Н. Гендер в законе. М.: Проспект, 2015. 480 с.
10. Тарусина Н. Н. Ребенок в пространстве семейного права. М.: Проспект, 2014. 144 с.

¹⁹ Правовые последствия этого действия для супружества и родительства до сих пор российским законодательством не предусмотрены, несмотря на систематические замечания в доктрине и наличие законопроекта.

²⁰ Подробнее см., например: Тарусина Н.Н., Сочнева О.И. О фиктивности в семейно-правовой сфере // Законы России. Опыт, анализ, практика. 2015. № 6. С. 78 - 84.

11. Тарусина Н. Н. Семейное право: в «оркестровке» суверенности и судебного усмотрения. М.: Проспект, 2014. 288 с.
12. Тарусина Н.Н. О судебном правотворчестве по семейным делам как проблемной форме судебного усмотрения // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2018. № 1. С. 72 - 82.
13. Тарусина Н.Н., Сочнева О.И. О фиктивности в семейно-правовой сфере // Законы России. Опыт, анализ, практика. 2015. № 6. С. 78 - 84.
14. Хазова О.А. Судебное установление отцовства // Закон. 1997. № 11. С. 83 - 84.
15. Шершеневич Г. Ф. Русское гражданское право. Казань, 1905. 795 с.

Об авторе:

ТАРУСИНА Надежда Николаевна – кандидат юридических наук, профессор, заведующий кафедрой социального и семейного законодательства Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова (Россия, Ярославль, ул. Советская, 14); e-mail: nant@uniyar.ac.ru

FATHERLAND: LEGAL FIXATION TECHNOLOGIES

N.N. Tarusina

P.G. Demidov Yaroslavl State University

The historical and modern trends of constructing fatherhood in the space of family law are examined: from patriarchal authority of the father, equalization of the status of mother and father and child, exclusion of illegitimate fatherhood, restrictions on the establishment of illegitimate paternity - to obvious and non-obvious reasons for paternity (presumption of paternity in marriage, with the use of assisted reproductive technologies, administrative and judicial establishment of paternity, etc.).

Keywords: *paternity, legal grounds, special cases, technology, fixation.*

About the author:

TARUSINA Nadezhda – PhD, professor, head of the Department of social and family law of the P. G. Demidov Yaroslavl State University (Russia, Yaroslavl, Sovetskaya st., 14); e-mail: nant@uniyar.ac.ru

Тарусина Н. Н. Отцовство: технологии юридической фиксации // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2020. № 1 (61). С. 37 – 47.